

ГОРОД И ЧЕЛОВЕК. СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ДИАЛОГ.

Белова О.В.

Белорусский национальный технический университет,

Беларусь

Аннотация: Попытка выявить и проанализировать, спроецировав на земли Белорусского Полесья универсальные законы построения человеческих поселений.

Нам не дано существовать иначе, нежели как в некоем пространственно-временном окружении. Мы неотделимы от него, будучи всего лишь частью, пусть творящей, но и им же творимой. Люди впитывают свое окружение, становясь Чем-то, чтобы после выразить себя через него же. И поэтому достаточно нелепо и опасно то равнодушие, с коим мы зачастую препарируем пространство архитектуры от человека, во всей его цельности и полноте, и от времени, как некоей культурно-исторической непрерывности, работая лишь со статистическими единицами и функциями.

Миф о безграничности технического прогресса, о том, что он есть суть, смысл и источник человеческого существования, менее чем за две сотни лет стал единственной реальностью нашего бытия, трансформировав тем самым всю систему ценностных отношений и исказив наши представления о мире и о себе. И хотя несомненен конфликт индустриальной "рациональности" с рациональностью социальной и этической, эстетической и экологической (Л. Крие), очевидно грубое несоответствие ее "универсальности" универсальным законам человеческого бытия, лишь они определяют нашу жизнь сегодня. И именно через их призму мы способны видеть город только как "пространство производства", как "схему взаимодействия между группами людей", как "техническую проблему" или проблему транспортную. И в нашем понимании он перестает быть воплощением гармонии космоса, превращаясь в некую машину, поддающуюся проверке и ремонту по частям, в лучшем случае в цельный организм, живущий по своим "темным" законам, мало нам доступным. Мы даже зачастую стес-

няемся называть наши поселения городами. И интуитивно чувствуя, что за этим понятием кроется все же нечто иное, большее, мы именуем их "человеческими агломерациями" (Ле Корбюзье), или просто "техногенным ландшафтом".

Нужно отметить, что большинство белорусских поселений (речь идет не только о больших городах) перешли в эту безликую и безымянную категорию. И дело здесь не в техническом прогрессе как таковом, но в неудержимом, неосознанном стремлении соответствовать в большей степени его законам, нежели сформировавшимся веками законам человеческого бытия. В результате города наши нещадно расчленены на монофункциональные зоны. Унылые спальные и угнетающие промышленные районы — это их неизменная черта. Поселки и деревни же нелепым образом стремятся подражать городам, примеряя на себя самые худшие их черты. И в результате безлюдные, закатанные асфальтом центральные площади, главные улицы застроенные серыми "городскими" пятиэтажками и двухэтажные коробочки на четыре семьи, обезглавленные, лишенные традиционной скатной кровли, видимо в неудержимом желании соответствовать интернациональному стилю. И лишь деревням, коих не коснулось организующее начало "прогрессивного" человека удалось сохранить, тот особый дух места, коим обладает "естественно выращенное" окружение" (Норберг-Шульц), где человеческая деятельность является главной творящей силой.

А ведь людское поселение — это не просто некая пространственная организация процессов жизнедеятельности, как то труда, отдыха, быта и т. п., это своего рода код и формула мироощущения. По сути, жить для нас означает "быть под небесами", "быть на земле" и "быть среди людей" (М. Хайдеггер). И именно это бытие под небесами и среди людей обуславливает тот особый строй, коему подчинено бытие человека на земле. Творя Место жизни, он неизменно воплощает свое понимание законов миропорядка (космоса или Бога) и законов отношений между людьми.

ми. Крестьянство, например (нужно отметить, что именно эта категория населения в историческом срезе преобладала на землях Турово-Пинских), прежде всего, подразумевает непосредственную связь с землей, с природой, обожествление природы, поэтому дух язычества ему присущ и поныне. Именно отсюда вытекают не только многие правила построения крестьянского дома, но и особые навыки общения с ним. Отметим также, что по сути своей крестьянство есть нечто патриархальное. В нем необыкновенно сильно чувство рода, поддержанное культом предков, отсюда и семьи, объединяющие по два, три, а то и четыре поколения под одной крышей. Семья здесь - это особый мир, отдельное государство. Поэтому даже в границах некоего поселения каждый крестьянский двор - это нечто автономное, независимое. Несомненно, несмотря на эту обособленность отношения между людьми вне семьи также прочны и, что очень важно, личностны. Но они во многом носят надобыденный характер, то есть общение здесь в большей степени сопряжено с некими особыми событиями, праздниками или просто отдыхом. В деревнях, местечках и, тем паче, на хуторах нет общественных пространств как таковых. Рыночную площадь, школу, храм можно найти далеко не в каждом поселке. Центрами общения здесь служат лишь колодцы, да скамеечки вынесенные на улицу, за врата дома. Только праздник (правда, не каждый) способен переместить центр человеческого бытия из дома в некое иное место, собирая людей вокруг костров, у реки, возле качелей.

Нужно отметить, что в наше время деревня неудержимо деградирует, возможно, причину тому следует искать и в невежественном разрушении ее упорядоченного, оправданного веками жизнеустройства, воплощенного в особой пространственной среде.

Итак, деревне свойственна устойчивость, постоянство ценностных отношений. Она живет, вторя рассудительности и мудрости природы, каждую весну с надеждами и тревогами начиная но-

вую жизнь. А что же такое город? Его никак нельзя понимать как большую деревню, ровно как и деревню не стоит приравнивать к маленькому городу. В некотором смысле можно даже сказать, что город есть противоположность деревни.

Город, град, городок. Вся наша история, все наше бытие в бесконечном многообразии своем удивительным образом вплетено в это загадочное явление. Даже в жизни деревни он присутствует не только как подчиняющий себе центр, но и как некий незримый образ, воплощая в сказках чудесное, желанное место, "тридцатое царство", или, напротив, место страшное, пропащее, "царство кощеево".

Пространство деревни есть пространство Дома, город же дополняет Дом Храмом и собой, достраивая пространство бытия человеческого до триады Дом – Город – Храм, и, более того, становясь в ней звеном главенствующим, вбирающим в себя остальные, мы с полным правом говорим Город – Дом, Город – Храм. И, действительно, в древности город осознавался едва ли не прежде всего как место нахождения центрального храма, именно он неизменно становился сердцем города. Будучи во многие времена пристанищем необыкновенной терпимости ко всякому вероисповеданию белорусские города могли иметь не один храм, но некое множество храмов различных религий и конфессий, целые соборные площади. Разумеется количество и величие их зависело от размеров и статуса самого города.

Город – это непременно место горожее, укрепленное. В то время как деревня мягко растворяется в окружающем ее пространстве, он нарочито выявляет свои границы, обособливаясь, превращаясь в остров. Города же земель Турово-Пинских самым непосредственным образом являли собой острова, возвышаясь среди болотистых пойм полесских рек.

Город есть остров не только потому, что он огорожен неприступными стенами. Он уже не живет мудростью и законами природы, противопоставляя себя ей. Здесь возможно все то, что

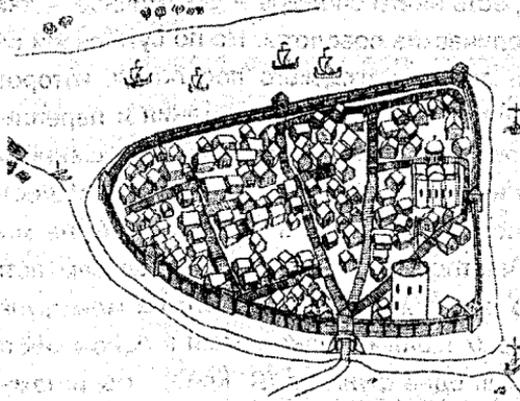
невозможно в деревне. Во многом ослабевает власть и сила рода. Родовая принадлежность становится законом скорее внешним, нежели внутренним, выражаясь в категориях знатности и простоты. Семья перестает быть чем-то столь автономным, а отношения между людьми усложняются, подчиняясь уже не только праздничным, но и повседневным законам совместного труда. Да и само праздничное поведение здесь уже не носит лишь сакральный, надобыденный характер, становясь, к примеру, неотъемлемой чертой городских ярмарок.

Город, несомненно, есть нечто сложное и динамичное, чутко реагирующее на все исторические повороты. Но по сути своей он подчиняется все тем же законам людского поселения, которое строится на общечеловеческих принципах сочетания и переплетения общественного и личного, повседневного и возвышенного. Поэтому и форма города не может быть продиктована ни общественно-политическим строем, ни способом производства, не может она быть и делом частного эксперимента. Город сам есть внутренний закон своего развития. Расчлняя его на монофункциональные зоны, в которых людям в одно время в одном месте оказывается доступна лишь одна функция (Л. Крие), мы искажаем тот "генетический код культуры" (К. Линч), коим он и является.

Кто-то видит в Городе "изобретение" человеческое, "значимость которого", возможно, "превосходит даже открытие огня и изобретение колеса, ибо ему нет прототипа в природе (Л. Крие), кто-то считает его посланным свыше. Кто-то усматривает в нем источник культуры, пристанище благочестия и благородства, кто-то напротив рисует "большой город" адом, где "разлагаются великие чувства", где "течет кровь гниловатая, тепловатая" (Ницше), но важно в первую очередь узреть в нем город, позволить быть городом, оставив тем самым за деревнями, местечками и хуторами право носить свои имена. Не усугубляя катастрофы экологические (осушение болот и беду Чернобыльскую), которые постиг-

Литература:

1. L. Krier "The reconstruction of the European city" / Architectural Design,
2. L. Krier "Architectura patriae" / Architectural Design,
3. К. Линч "Совершенная форма в градостроительстве" М. 1984
4. Н. А. Хренов "Картины мира и образ города" / "Город и искусство" М. 1996
5. П. Ф. Лысенко "Туровская земля IX-XIII вв." Мн 2001

Город, как место огороженное.
Берестье. Реконструкция

